

А. Н. БАРАНОВ, Д. О. ДОБРОВОЛЬСКИЙ

**КСТАТИ И НЕКСТАТИ:
К РЕЧЕВЫМ ПРАКТИКАМ ДОСТОЕВСКОГО***

1. Постановка проблемы

В современных лингвистических исследованиях широко распространена категория «авторских слов». Такие слова обычно составляют объект описания авторских словарей. Так, в проекте «Словаря языка Достоевского» к авторским словам относятся «идиоглоссы», которые мыслятся как «тезаурусообразующие единицы», «единицы когнитивного плана», отражающие «авторскую картину мира» [Караулов 2008: X]. Насколько можно судить по статьям [Караулов 2008; Караулов, Гинзбург 2008], идиоглоссы — это интуитивно выделяемые понятия, которые в некоторых случаях могут быть проверены по формальным критериям (частотность, встречаемость в заголовках произведений Достоевского и их частей, в авторских афоризмах, значимых предложениях и пр.).

Анализ словника первых трех томов идиоглоссария «Словаря языка Достоевского» [2008–2012] показывает, что многие слова, которые хотелось бы видеть в таком словарном источнике, в нем отсутствуют. Так, в словнике практически нет дискурсивных слов, некоторые из которых интуитивно хочется относить к авторским словам. Например, слово *лишь*, семантически близкое частице *только*, существенно более частотно у Ф. М. Достоевского по сравнению с его современниками, хотя слово *только* распределено более или менее равномерно¹:

* Исследование выполнено в рамках гранта РГНФ № 17-04-00420.

¹ Количественные данные приводятся по Национальному корпусу русского языка, в котором, скорее всего, тексты каждого из этих писателей представлены не полностью. При исследовании текстов Достоевского в дальнейшем мы ориентируемся на полный корпус текстов этого автора, созданный в 1990-х годах в Отделе экспериментальной лексикографии для работы над «Словарем языка Достоевского».

Анатолий Николаевич Баранов, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
Дмитрий Олегович Добровольский, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Таблица 1

**Частотное распределение частиц *только* и *лишь*
в произведениях писателей XIX в.**

Писатель	<i>только</i> (относительная частота на 1000 словоупотреблений)	<i>лишь</i> (относительная частота на 1000 словоупотреблений)
Достоевский	3,79	0,9
Толстой	4,65	0,017
Салтыков-Щедрин	4,07	0,416
Гончаров	3,5	0,197
Тургенев	2,87	0,129

Легко видеть, что разброс частоты употребления частицы *только* относительно невелик, хотя и довольно значителен для текстов Л. Н. Толстого и И. С. Тургенева. Частица *лишь* у Достоевского встречается минимум в два раза чаще, чем у М. Е. Салтыкова-Щедрина, и почти в сто раз чаще, чем у Л. Н. Толстого². Понятно, что частотный критерий не всегда можно считать главенствующим при отнесении лексической единицы к авторским, однако в данном случае интуиция подсказывает, что употребление частицы *лишь* — характерная черта авторского стиля Достоевского.

К авторским, с нашей точки зрения, относится и форма *кстати* (в противоположность наречию *некстати*): как в художественных текстах Достоевского, так и в его публицистике и письмах она встречается с довольно высокой частотой:

Таблица 2

**Частотное распределение слов *кстати* и *некстати*
в произведениях писателей XIX в.**

Писатель	<i>кстати</i> (относительная частота на 1000 словоупотреблений)	<i>некстати</i> (относительная частота на 1000 словоупотреблений)
Достоевский	0,16 [0,17] ³	0,009
Толстой	0,0088	0,008
Салтыков-Щедрин	0,077	0,006
Гончаров	0,092	0,008
Тургенев	0,19	0,012

Из Таблицы 2 видно, что Ф. М. Достоевский использует слово *кстати* существенно чаще, чем М. Е. Салтыков-Щедрин, И. А. Гончаров и, осо-

² По данным [ССЯД: 491], слово *лишь* входит в число ста наиболее частотных лексем словаря Достоевского.

³ В квадратных скобках дана относительная частота по полному корпусу текстов Достоевского.

бенно, Л. Н. Толстой. В текстах этого писателя, представленных в НКРЯ, обнаруживается всего 17 вхождений слова *кстати* во всех значениях. Если была бы категория «антиавторских» слов, то это слово следовало бы считать «антиавторским» для Толстого.

Отметим, что слово *кстати* встречается в текстах Достоевского практически с той же частотой, что и у Тургенева. Интересно, что разброс частот для наречия *нестати* у рассмотренных авторов практически отсутствует. Это связано с тем, что слово *нестати* используется только как наречие, то есть соотносится со словом *кстати* только в одном из значений. Между тем основные случаи употребления слова *кстати* у Достоевского и некоторых других авторов приходятся на дискурсивную функцию. Ниже это обсуждается подробнее.

Интересно, что внутрисловное отрицание *не* в наречии *нестати* не распространяется на дискурсивные употребления, по определению не попадающие в сферу действия отрицания: метатекстовые элементы высказывания вообще плохо «отрицаются». Отсюда такая однобокость *нестати*. Сходным образом ведут себя многие дискурсивные слова, имеющие наречные или предикативные употребления. Ср.: *все было хорошо видно* vs. *из-за плохой освещенности реклама не видна*, но: *видно, не судьба* при невозможности **не видно, не судьба*.

2. Семантика слова *кстати*

На первый взгляд, внутренняя форма слова *кстати* вполне прозрачна: оно образовано от формы *стати/стать* с предлогом *к*. Однако семантический источник (то есть что стоит за формой *стати/стать*) неоднозначен, что порождает разные интерпретации внутренней формы, причем, весьма схожие. Если исходным является существительное *стать*, в большей степени сохраняющее глагольную семантику, то тогда внутренняя форма — это идея ‘становления’. А если это существительное со значением ‘место, положение, пребывание’, то внутренняя форма носит пространственный характер⁴.

У слова *кстати* в современных толковых словарях русского языка выделяются три основных значения. В Малом академическом словаре (далее — МАС) первое значение толкуется как «в удачный, подходящий момент, к месту, вовремя» (*Разведка подвернулась Мечiku как нельзя кстати*). Синтаксически в этих случаях *кстати* выступает как обстоятельство об-

⁴ Именно такая интерпретация предлагается в этимологическом словаре М. Фасмера [2009]. Впрочем, по мнению Е. В. Откидыч, «слово *кстати* представляет собой результат лексикализации сочетания предлога *к* и формы дательного падежа существительного *стать*, которое имело значение “причина, повод, способ”» [Откидыч 2017: 10–11].

раза действия, выраженное наречием. Второе значение по большей части также наречно: «пользуясь случаем, заодно с чем-л., вместе с тем» (*Пройдусь по городу, кстати куплю сигар*). В этот же класс попадает метатекстовое словосочетание *замечу/отмечу/скажу... кстати*. Наконец, третье значение — это функционирование *кстати* в качестве вводного слова, то есть как «обозначение того, что данная фраза говорится в связи с только что сказанным, в дополнение у нему». Отметим, что в целом словосочетание *замечу/отмечу/скажу... кстати* носит вводный характер, однако слово *кстати* в нем употреблено как обстоятельство, выраженное наречием (см. выше второе значение)⁵.

В словаре «Дискурсивные слова русского языка» Сесиль Моро описывает употребления формы *Q*, *кстати P* как распределение разной степени связанности переменных *Q* и *P* друг с другом. При этом частеречная принадлежность может быть различной, как и синтаксическая функция в предложении.

Преобладание *P* как семантически автономного характеризует такие употребления слова *кстати*, когда *кстати* оказывается «не совсем кстати». Ср.: *Я не очень волновалась. Ты видишь, я «Новый мир» принесла. Кстати, я кое-что заберу, чтобы тебе завтра не тащить много* [Моро 1998: 250]. Из приведенного примера видно, что *P*, вводимое *кстати* (то, что говорящий что-то хочет забрать), не связано по смыслу с тем, что был принесен журнал «Новый мир». Единственная функция *кстати* в приведенном примере — стремление сохранить связность дискурса и одновременно ввести новую тему беседы.

Второй тип контекстов характеризуется преобладанием *P* как семантически связанного с *Q*. *P* связано с *Q* по смыслу вне зависимости от использования *кстати* [Там же: 249]. Ср.: — *Браво!* — *откликнулся ДД.* — *Это так. Насчет опозданий — это вы точно. Я, кстати, как раз заболтался с вами и уже опоздал* (А. Битов. Оглашенные) [Там же: 252]. В рассматриваемом случае *P* и *Q* связаны между собой по смыслу ‘опоздание’.

В третьем типе контекстов семантическая связанность *P* и *Q* оказывается несущественной — они могут быть как автономными, так и связанными по смыслу. Для этого случая важно лишь то, что *P* и *Q* имеют «равную значимость». В этот тип контекстов попадают наречные употребления с семантикой ‘заодно’ (*кстати куплю сигар*), ‘вовремя’ (*дождь оказался*

⁵ Отметим, что современные носители русского языка часто интерпретируют значение *кстати* в обороте *замечу/отмечу/скажу... кстати* не как наречное, а как дискурсивное и, как следствие, выделяют в этом обороте *кстати* запятой: **Замечу, кстати**, что меня девушка невзлюбила с первой секунды (Н. Климонтович. Далее — везде (2001)); **Замечу, кстати**, что таких больших сроков содержания под следствием нет ни в одной стране мира (А. Кучерена. Бал беззакония (2000)). Иными словами, носители языка приписывают слову *кстати* значение всего рассматриваемого оборота.

кстати), 'к месту' (кстати и нестати). В этот же тип употреблений, по Сесиль Моро, попадают и метатекстовые употребления с семантикой 'хочу подчеркнуть': *Меня дети любят. И собаки. И пьяные, кстати* (Л. Петрушевская. Три девушки в голубом).

При всей тонкости семантического описания данного слова в словаре «Дискурсивные слова русского языка» наречные и предикативные употребления четко не противопоставлены дискурсивным. В этом смысле традиционное описание оказывается даже более точным, выделяя у *кстати* функцию вводного слова. Есть и современные исследования, которые следуют этому традиционному разграничению. Так, в работе [Откидыч 2017] наречные и дискурсивные употребления *кстати* противопоставляются, но анализируются только последние. Среди них выделяются три контекстно обусловленных значения: «собственно факультативный комментарий», «актуализирующий комментарий», «псевдорезюмирующий комментарий». К сожалению, четких критериев выделения этих значений не предлагается. Так, в примере (1) обнаруживается идея актуализации («актуализирующий комментарий»):

- (1) Это и гортензии, <...> и люпины, и рододендроны. Однако в кислых почвах <...> растениям просто нечего будет взять из почв, содержащих только «кислые элементы»: водород, кремний, алюминий. Причем избыток последнего особенно токсичен для большинства растений. **Кстати, именно** от количества алюминия в почвенном растворе зависит интенсивность окраски гортензии [Там же: 12].

Между тем актуализация передается в приведенном примере с помощью фокусирующей частицы *именно*, а слово *кстати* используется как «факультативный комментарий» (в терминологии автора), не привязанный к идее актуализации. Не вполне очевидны и критерии выделения «псевдорезюмирующего комментария». Понятно, что комментарий может быть в конце текста или завершать акт аргументации, однако это не является дифференциальным признаком значений слова *кстати*. Очевидно, что само по себе разграничение наречных и дискурсивных употреблений слова *кстати* не является гарантией корректности описания его дискурсивных употреблений.

Предварительный анализ текстов Достоевского показывает, что именно дискурсивные употребления слова *кстати* (как и его употребления в составе метатекстовых конструкций типа *замечу кстати*) оказываются наиболее значимыми для этого писателя, сосредотачивающего свое внимание на речи героев как отражении особенностей их мышления, мировосприятия, идеологии. Тем самым для того, чтобы отразить специфику дискурсивных практик Достоевского в связи с употреблением слова *кстати*, необходима такая семантическая интерпретация *кстати*, которая позволяет более подробно и точно дифференцировать дискурсивные употребления слова *кстати* и соответствующих конструкций.

Наиболее существенное разграничение дискурсивных употреблений — это выделение контекстов, где *кстати* употреблено в значении, которое приблизительно можно описать как ‘в существенной смысловой связи со сказанным ранее’ (2), и контекстов, в которых *кстати* употреблено скорее формально для сохранения внешней связности дискурса, в том числе для введения новой темы, то есть по смыслу «не кстати». Такие употребления *кстати* можно в первом приближении описать как ‘говоря о чем-то новом’ (3). В контекстах данного типа недискурсивная часть значения этого слова, связанная с его внутренней формой, оказывается выхолощенной, а дискурсивная функция приобретает самодовлеющий характер. Можно предположить, что именно эта функция будет особенно важна для авторов, которые художественными средствами имитируют естественное неподготовленное общение, а также передают особенности мышления героев.

- (2) Он даже в лице изменился, и губы его перекошились. — Да и загадка-то глупая, отгадывать нечего. А слышал давеча его глупую теорию: «Нет бессмертия души, так нет и добродетели, значит, все позволено» (А братец-то Митенька, *кстати*, помнишь, как крикнул: «Запомню!») (Ф. М. Достоевский. Братья Карамазовы).
- (3) Он торопился; но, уже выходя и уж почти затворив за собою дверь, вдруг отворил ее снова и сказал, глядя куда-то в сторону: — *Кстати!* Помнишь это убийство, ну, вот Порфирий-то: старуху-то? Ну, так знай, что убийца этот отыскался, сознался сам и доказательства все представил (Ф. М. Достоевский. Преступление и наказание).

В примере (2) воспоминание о реакции Дмитрия Карамазова на идею о вседозволенности вводится *кстати* для указания на явную связь с обсуждаемой аргументацией. Это дополнительная информация, но существенная, не уводящая в сторону от круга идей, введенного в дискурс. С другой стороны, в примере (3) слово *кстати* вводит новую тему, не связанную с предшествующим описанием, хотя говорится об одном и том же человеке. Иными словами, связь предшествующего и последующего дискурса оказывается чисто формальной.

Следует подчеркнуть, что четкое противопоставление дискурсивных употреблений слова *кстати* как «кстати» и «не кстати» несколько огрубляет реальное положение дел, поскольку между этими типами дискурсивных употреблений есть и промежуточная зона, где какая-то мотивация возможна — особенно для говорящего, однако адресат восстанавливает эти семантические связи с некоторым трудом и тем самым воспринимает такие употребления *кстати* скорее как «не кстати». Так, в примере (4) использование *кстати* можно мотивировать отношением конкретного случая (поездка в церковь) и общего правила, которого придерживается персонаж (следовать обычаям).

- (4) Наконец, в половине восьмого, князь [Мышкин] отправился в церковь, в карете. Заметим *кстати*, что он сам нарочно не хотел про-

пустить ни одного из принятых обычаев и обыкновений (Ф. М. Достоевский. Идиот).

Однако семантика *кстати* в стандартном дискурсивном употреблении связана именно с предшествующими рассуждениями, а резкая смена темы от частного к общему воспринимается уже как не совсем «кстати».

Переходным можно считать также и следующий пример из «Преступления и наказания»:

- (5) Чувство глубочайшего омерзения мелькнуло на миг в тонких чертах молодого человека [Раскольникова]. *Кстати*, он был замечательно хорош собою, с прекрасными темными глазами, темно-рус, ростом выше среднего, тонок и строен (Ф. М. Достоевский. Преступление и наказание).

В приведенном контексте говорится об одном и том же персонаже, но темы совершенно различны: эмоциональное состояние Раскольникова vs. его внешность.

Мотивация может быть еще более странной, основанной на последовательности мыслей персонажа, вызванной субъективными ассоциациями:

- (6) Небось темно показалось, холодно, хе-хе! Чуть ли не ощущений приятных понадобилось!.. *Кстати*, зачем я свечку не затушу? (Он задул ее.) У соседей улеглись, — подумал он [Свидригайлов], не видя света в давешней щелочке (Ф. М. Достоевский. Преступление и наказание).

Приведенные примеры показывают, что между *кстати* как «кстати» и как «не кстати» есть много переходных случаев. Однако критерием здесь может служить характер мотивации или, точнее, тип семантической связи. Слово *кстати* в нормальных дискурсивных употреблениях вводит информацию как релевантный комментарий к предшествующим рассуждениям. Если эта связь формальна (через персонажа, время, место, объект и пр.), то она оказывается менее очевидной, хотя с большим или меньшим трудом вычисляется адресатом и из-за этого соответствующие контексты попадают в группу *кстати* как «не кстати». Совсем «чистые» случаи такого рода граничат с эстетикой абсурда:

- (7) Несомненно изобрету новую собственную теорию новых экономических отношений и буду гордиться ею — чего доселе не мог за недосугом по службе и в пошлых развлечениях света. Опровергну всё и буду новый Фурье. *Кстати*, отдал семь рублей Тимофею Семенычу? (Ф. М. Достоевский. Крокодил)⁶.

⁶ Идеей подробного обсуждения переходных случаев мы обязаны А. Я. Шайкевичу. Часть приводимых примеров указанного типа принадлежит ему же.

Из обсужденных примеров хорошо видно, что функционирование дискурсивного *кстати* в значении, отсылающем к предшествующим рассуждениям, связано с максимальной релевантности Грайса. Действительно, когда мы говорим *кстати*, в нормальном случае мы хотим дать понять собеседнику, что наш речевой акт уместен и релевантен, будучи связан с предшествующими рассуждениями. Таким образом, у слова *кстати* в дискурсивных употреблениях выделяются две семантические сферы действия: *Q* (предшествующий контекст) и *P* (фраза, вводимая *кстати*). Для употреблений *кстати* как «кстати» можно предложить следующее рабочее определение:

Q, кстати₁, P \approx 'говоря *P*, я даю понять, что *P* есть дополнительная релевантная часть рассуждений *Q*'.

А для *кстати* как «не кстати» семантическая экспликация будет выглядеть приблизительно так:

Q, кстати₂, P \approx 'говоря *P*, я даю понять, что хочу связать *P* с *Q* по некой формальной характеристике, общей для *P* и *Q*'.

Дискурсивные употребления *кстати* противопоставляются его наречным употреблениям — в значениях 'удачно, вовремя, к месту' (8) и 'заодно' (9). Кроме того, значение 'заодно' в какой-то степени присутствует в форме *замечу/отмечу/скажу... кстати*.

- (8) — Парфен, может, я не кстати, я ведь и уйду, — проговорил он наконец в смущении. — *Кстати! Кстати!* — опомнился наконец Парфен. — Милости просим, входите! (Ф. М. Достоевский. Идиот).
- (9) Минут через десять я из конторы выхожу, а тут через два дома магазин, и в нем у меня еще с прошлой недели заказаны для Сони ботинки, я и пошла их захватить *кстати*, только смотрю, а та старушка теперь уж у этого дома сидит (Ф. М. Достоевский. Дневник писателя).

Рассмотрим динамику употребления *кстати* в дискурсивных употреблениях («кстати» и «не кстати») и в наречной функции (совмещающей собственно наречные и предикативные употребления) в произведениях Достоевского и других писателей — его современников.

3. Частотное распределение слова *кстати* по функциям

Самой по себе информации о количестве употреблений слова *кстати* у того или иного писателя недостаточно, поскольку *кстати*, как было показано выше, многозначно. Существенно более важна информация о распределении частоты употреблений по значениям этого слова. Если ограничиться тремя типами значений слова *кстати*, то мы получаем следующую картину:

Таблица 3

**Частотное распределение слова *кстати* по функциям
в произведениях писателей XIX в.**

Писатель	<i>кстати- дискурсивное</i>	<i>кстати- наречное</i>	<i>замечу/скажу... кстати</i>
Достоевский	80 %	15 %	5 %
Толстой	23,5 %	76,5 %	0 %
Салтыков-Щедрин	38 %	59 %	3 %
Гончаров	40,7 %	55,3 %	4,6 %
Тургенев	73 %	23 %	4 %

Из Таблицы 3 видно, что основным параметром характеристики особенностей индивидуального употребления *кстати* является разграничение между дискурсивными и наречными реализациями. Конструкция *замечу/скажу... кстати* в данном случае малозначима, поскольку низкочастотна, а по функции скорее относится к дискурсивным употреблением⁷. Легко видеть, что Достоевский и Тургенев оказываются противопоставлены другим писателям по соотношению дискурсивных и наречных употреблений. Для них типичны дискурсивные употребления (80 % у Достоевского и 73 — у Тургенева), в то время как другие писатели XIX в. более склонны к наречным употреблением.

Весьма вероятно, что в конце XVIII — начале XIX в. происходило изменение дискурсивных практик, связанных с использованием слова *кстати*: наречные и предикативные употребления дополнялись дискурсивными. Разные писатели отражали эту тенденцию в разной степени. Многие контексты использования *кстати* в текстах того времени обнаруживают одновременно черты и наречного, и дискурсивного употребления. Судя по всему, это отражалось и в интонации (дискурсивные употребления, конечно же, не несут фразового ударения), и на письме, что проявлялось в варьировании пунктуационных норм. Ср. (10—13):

- (10) Григорий бросился к Марфе Игнатьевне и послал ее к Лизавете помогать, а сам сбегал за старухой повитухой, мещанкой, *кстати* недалеко жившей (Ф. М. Достоевский. Братья Карамазовы).
- (11) а. Гости Маркелова еще спали, когда к нему явился посланец с письмом от его сестры, г-жи Сипягиной. В этом письме Валентина Михайловна говорила ему о каких-то хозяйственных пустячках, просила его послать ей взятую им книгу — да *кстати* в постскрипте сообщала ему «забавную» новость: его бывшая пассия, Марианна, влюбилась в учителя Нежданова (И. С. Тургенев. Новь);

⁷ Интересно, что данная конструкция не используется в значении «не кстати». Это связано с тем, что она из-за двусловности более выделена коммуникативно, а употребление *кстати* как «не кстати» предполагает стирание внутренней формы.

б. Амалия Ивановна, тоже предчувствовавшая что-то недоброе, а вместе с тем оскорбленная до глубины души высокомерием Екатерины Ивановны, чтобы отвлечь неприятное настроение общества в другую сторону и, *кстати*, уж чтоб поднять себя в общем мнении, начала вдруг, ни с того ни с сего, рассказывать, что какой-то знакомый ее, «Карль из аптеки», ездил ночью на извозчике и что «извозчик хотел его убивать и что Карль его ошень, ошень просиль, чтоб он его не убивать, и плакаль, и руки сложиль, и испугаль, и от страх ему сердце пронзиль» (Ф. М. Достоевский. Преступление и наказание).

- (12) Это настолько верно, что те из адептов, которые лучше других понимают, чье мясо кошка съела, начинают уже недоумевать и сердиться. — Топчется на одном месте златоуст-то наш — ни взад, ни вперед! — жаловался мне на днях один старичок, который с 1862 года всё ждет, что бог его простит, — мы было надеялись, что он «возвестит», а он только знай захлебывается. *Кстати* о публицистике (М. Е. Салтыков-Щедрин. Недоконченные беседы («Между делом»)).
- (13) — И он бросился было к дверям приказать воды, но тут же в углу, *кстати*, нашелся графин с водой (Ф. М. Достоевский. Преступление и наказание).

В примере (10) слово *кстати* одновременно передает и семантику наречно-предикативного употребления ('удачно, что жила недалеко'), и дискурсивные смыслы: указание на уместность сообщения дополнительного факта об обсуждаемом персонаже. В примерах (11а) и (11б) *кстати* одновременно понимается и как наречие в значении 'заодно', и как цитация дискурсивного употребления в речи другого лица (Валентины Михайловны и Амалии Ивановны). Пример (12) демонстрирует варьирование пунктуационной нормы: *кстати* употреблено дискурсивно, но запятая автором не поставлена. Пример (13) в некотором смысле противоположен примеру (12): *кстати* в наречном употреблении выделено пунктуационно.

Отметим, что в произведениях Достоевского, Толстого, Гончарова, Салтыкова-Щедрина и Тургенева наряду с *кстати* в дискурсивной функции употребляется французская форма *à propos*. Такие употребления довольно редки: 5 — у Достоевского, 9 — у Толстого, 14 — у Гончарова, 5 — у Салтыкова-Щедрина, 1 — у Тургенева. Хорошо видно, что такое незначительное количество контекстов никак не влияет на статистические характеристики употребления слова *кстати*, рассматриваемые ниже. Интересно, что *à propos* часто используется во французских фразах и в этих употреблениях не должно рассматриваться как факт русского языка. Кроме дискурсивных употреблений *à propos*, в публицистическом тексте Толстого обнаруживается одно метатекстовое употребление: *Ни толка, ни смысла, ни даже какой-нибудь связи, кроме той, что французы называют а propos (кстати)* (Л. Н. Толстой. Исследование догматического богословия).

Возвращаясь к Таблице 3, напомним, что, как это ни странно, по соотношению дискурсивных и наречных употреблений слова *кстати* Достоевский и Тургенев попадают в одну группу. Это совершенно противоречит интуиции. Трудно себе представить более противоположных авторов по стилю, по отношению к художественному творчеству и взглядам на мир. На самом деле Тургенев и Достоевский различны и по дискурсивным практикам в связи с употреблением слова *кстати*. Это показывает анализ дискурсивных реализаций обсуждаемого слова в значениях «кстати» и «не кстати».

Таблица 4

Частотное распределение дискурсивных употреблений слова *кстати* в произведениях писателей XIX в.⁸

Писатель	<i>кстати</i> как «кстати»	<i>кстати</i> как «не кстати»
Достоевский	19 %	61 %
Толстой	11,75 %	11,75 %
Салтыков-Щедрин	23 %	15 %
Гончаров	27,9 %	12,8 %
Тургенев	37 %	36 %

Из приведенной таблицы становится очевидной уникальная особенность стиля Достоевского в отношении дискурсивных реализаций *кстати*. Максимальное количество употреблений, в отличие от всех остальных авторов, приходится на *кстати* как «не кстати»⁹. Эта специфическая дискурсивная практика, связанная со словом *кстати*, наиболее отчетливо проявляется в речи персонажей произведений Достоевского — ср. Таблицу 5.

Таблица 5

Слово *кстати* в дискурсивной функции в речи персонажей и рассказчика в художественных текстах Достоевского¹⁰

Рассказчик		Персонаж	
<i>кстати</i> как «кстати»	<i>кстати</i> как «не кстати»	<i>кстати</i> как «кстати»	<i>кстати</i> как «не кстати»
22 %		78 %	
12 %	10 %	16 %	62 %

⁸ Проценты вычисляются от общего количества контекстов с *кстати*, а не от дискурсивных употреблений.

⁹ Интересно, что упоминавшаяся французская форма *à propos* используется у рассматриваемых авторов и в значении «не кстати». Ср.: — *Браво! Славный очерк: вы его поместите в роман... — Может быть, помещу. — А propos о деньгах: для полноты и верности вашего очерка дайте мне рублей сто взаймы: я вам... никогда не отдам, разве что будете в моем положении, а я в вашем...* (И. А. Гончаров. Обрыв).

¹⁰ Данные приводятся по произведениям: «Игрок», «Преступление и наказание», «Братья Карамазовы», «Крокодил», «Подросток», «Бесы», «Идиот».

Данные Таблицы 5 наглядно демонстрируют, что, во-первых, наибольшее количество дискурсивных употреблений приходится на диалог — на реплики персонажей (78 против 22 %), во-вторых, в репликах персонажей подавляющее количество употреблений *кстати* — это дискурсивное «не кстати». В речи рассказчика использование *кстати* как «кстати» и как «не кстати» уравновешено: 12 и 10 %, причем все-таки небольшой перевес остается за употреблениями в значении «кстати».

Отметим, что и нарратор у Достоевского, особенно если это диететический рассказчик, то есть присутствующий в повествуемой истории как персонаж («Подросток») или как очевидец («Бесы»), в своем нарративе диалогичен. Отсюда довольно высокий процент употребления *кстати* как «не кстати». Ср. характерный пример:

- (14) Петр Степанович забежал раза два и к родителю, и, к несчастью моему, оба раза в мое отсутствие. В первый раз посетил его в среду, то есть на четвертый лишь день после той первой встречи, да и то по делу. *Кстати*, расчет по имению окончился у них как-то неслышно и невидно (Ф. М. Достоевский. Бесы).

* * *

В заключение отметим два момента, представляющие интерес в связи с проведенным анализом слова *кстати*. Первое соображение касается художественного метода Достоевского, заключающегося в стремлении этого автора отразить естественный, неподготовленный диалог. Это в полной мере проявляется и в дискурсивной практике использования слова *кстати*. Можно предполагать, что многие авторы его времени в существенно большей степени модифицировали реальный диалог, приводя его в соответствие со своими представлениями о литературной норме. Именно поэтому так мало реальной информации о том, как протекал бытовой диалог в XIX столетии. К тому же для миропонимания Достоевского характерно восприятие человека как сложного и противоречивого существа, мышление и поступки которого не всегда укладываются в четкие логические схемы. И *кстати* в функции «не кстати» хорошо отвечает этой идее.

Второе соображение относится к истории развития семантики слова *кстати*. Весьма вероятно, что рассмотренное разграничение употреблений *кстати* — от наречных к предикативным и далее к дискурсивным в значении «кстати» и «не кстати» — отражает исторический процесс развития семантики этого слова.

Л и т е р а т у р а

Дискурсивные слова 1998 — Дискурсивные слова русского языка: опыт контекстно-семантического описания / Под ред. К. Киселевой и Д. Пайара. М., 1998.

Караулов 2008 — Ю. Н. Караулов. От редактора // Словарь языка Достоевского. Идиоглоссарий. Т. I. М., 2008. С. IX–X.

Караулов, Гинзбург 2008 — Ю. Н. Караулов, Е. Л. Гинзбург. Язык и мысль Достоевского в словарном отображении // Словарь языка Достоевского. Идиоглоссарий. Т. I. М., 2008. С. 870–909.

МАС — Малый академический словарь = Словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. А. П. Евгеньевой. 3-е изд., стереотип. М., 1985–1988.

Моро 1998 — С. Моро. *Кстати*, или *одно к одному* // Дискурсивные слова русского языка: опыт контекстно-семантического описания / Под ред. К. Киселевой и Д. Пайара. М., 1998. С. 248–256.

Откидыч 2017 — Е. В. Откидыч. Функционирование текстовых скреп *кстати* и *между прочим* в монологическом и диалогическом тексте: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2017.

Словарь языка Достоевского 2008—2012 — Словарь языка Достоевского: В 3 т. Идиоглоссарий. М., 2008—2012.

ССЯД — А. Я. Шайкевич, В. М. Андрущенко, Н. А. Ребецкая. Статистический словарь языка Достоевского. М., 2003.

Фасмер 2009 — М. Фасмер. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. Т. 3. 4-е изд., стереотип. М., 2009.

Резюме

В статье рассматриваются особенности употребления слов *кстати* и *некстати* в произведениях Достоевского и некоторых его современников. Как показывает исследование, для Достоевского характерно использование слова *кстати* в функции введения в дискурс новой информации, что отличает его от текстов Л. Н. Толстого, И. С. Тургенева, М. Е. Салтыкова-Щедрина и И. А. Гончарова.

Ключевые слова: дискурсивные слова, индивидуальный стиль, корпусный подход, частота употребления, язык Достоевского.

Получено 28.11.2017

ANATOLY N. BARANOV, DMITRIJ O. DOBROVOL'SKIJ

KSTATI AND NEKSTATI: ON DOSTOEVSKY'S DISCOURSE PRACTICES

The paper discusses the use of the words *kстати* and *некстати* in the works of Dostoevsky and some of his contemporaries. It is shown that the word *kстати* is used by Dostoevsky mainly to introduce new information. This feature is typical of Dostoevsky's style and contrasts with the use of *kстати* in the works of L. N. Tolstoy, I. A. Goncharov, M. E. Saltykov-Shchedrin and I. S. Turgenev.

Keywords: discourse words, individual style, corpus approach, frequency, Dostoevsky's language.

Received on 28.11.2017